

Нина Данилова

Бебино наследство

Беба уже давно не дружила с датами и не вспоминала своих родных. Ее семьей был серый пуделек Пуня. Она твердо знала, что много лет назад прилетела в Израиль из Одессы. У Бебы была небольшая квартира в приморском городке, неясно кем и когда приобретенная. В молодые годы ее всегда считали славненькой, но с возрастом с ней произошли очень странные перемены – она стала потрясающе красивой. После шестидесяти лет ее облик начал постепенно облагораживаться и приобрел аристократическое изящество, черты лица притягивали взгляды и поражали какой-то нездешней гармонией. Седые волосы, уложенные в высокую замысловатую прическу, прекрасно сочетались с серо-зелеными глазами и смуглым лицом. Даже многочисленные морщины буквально подчеркивали ее непостижимую красоту.

Но характер у Бебы также менялся, и совсем не в лучшую сторону. Чувство раздражения и неприятия людей нарастали. Никаких особенных причин для этого вроде бы не было. Но все ее контакты с окружающими стали заканчиваться размолвками и разрывами. Люди воспринимались ею неискренними, неумными и нелепыми созданиями. И она не находила в себе никакого интереса и сочувствия к их неиссякающим проблемам. Постепенно вокруг нее образовалась пустота, которая ее вовсе не огорчала, а очень даже устраивала. Беба обожала читать романы и воображать себя их героинями. Она совершенно не задумывалась о своей прошлой жизни, это ее просто не интересовало. Дни проходили внешне одинаково и размеренно. Прогулки с Пуней, посещение магазинов и библиотеки, приготовление изысканных салатиков, зеленый чай, немного телевидения, классическая му-

зыка и чтение романов с перерывами на сладостную визуализацию желанных сюжетов. И так продолжалось много лет, пока однажды во время прогулки она не упала и не сломала шейку бедра.

Дальнейшая жизнь очень осложнилась. Дело было даже не в физических мучениях, которые она переносила стоически. Возникла постоянная необходимость в общении с разными людьми, и это было особенно трудно для нее. В дом стали присылать женщин для помощи, так называемых метапелет. Как только очередная женщина заходила в дверь, Пуня начинал яростный лай протеста и не замолкал ни на секунду. Беба могла с трудом передвигаться с помощью специального алихона на колесиках. Метапелет должна была приносить продукты и лекарства, делать влажную уборку и выводить Пуню. Многие не выдерживали напора неприязни и переходили к другим старикам, остальных Беба через короткое время просила заменить сама. Каждая женщина начинала свое знакомство с восхищения красотой Бебы, а заканчивала возмущением ее невыносимым нравом. Качество купленных овощей, по словам Бебы, всегда было омерзительным, уборку она делала сама, несмотря на ограниченные физические возможности. Выслушивать истории жизни своих помощниц ей было невыносимо. Иногда она просила приготовить для нее любимое блюдо метапелет, попробовав которое ледяным тоном произносила: «Вы мне не подходите». Эта же фраза немедленно звучала после первого опоздания на несколько минут. Особое раздражение вызывали те работницы, которые постоянно поглядывали на часы, – она отпускала их сразу и навсегда. В конторе по обслуживанию пожилых людей уже перебрали всех русскоязычных метапелет и передали Бебу в другую фирму, расположенную в соседнем городке. Оттуда без всякой надежды на успех прислали новую репатриантку из Одессы Эллу, которая совсем недавно перенесла операцию на позвоночнике и не имела опыта работы со стариками в Израиле.

Как только худенькая сероглазая женщина зашла в дом, Пуня в прыжке повалил ее на пол и стал преданно лизать в лицо, а она громко и счастливо хохотала, даже не взглянув на насупившуюся хозяйку. Когда Беба предложила ей приготовить любимое блюдо, Элла сказала, что обожает есть абсолютно все, и попросила дать

ей рецепты любимых блюд хозяйки. Она подробно выпрашивала и записывала все секреты, которые Беба неожиданно для самой себя стала вспоминать. Вместе они приготовили икру из баклажан по одесскому рецепту, затем Элла пожарила оладьи из кабачков почти без муки, абсолютно идеальной формы и консистенции. Оказалось, что время работы уже давно закончилось, а метапелет так и не взглянула на часы. Когда Беба спросила, почему она не интересуется рабочим временем, Элла ответила, что часов у нее нет, да и дома ее особенно не ждут. Но вдаваться в подробности не стала.

Вскоре обнаружилось, что им нравятся одни и те же романы, и они могли обсуждать полюбившихся героев и нереализованные возможности их биографий. Через неделю Беба поручила Элле сделать генеральную уборку, что не входило в обязанности метапелет, впрочем, как и приготовление еды. Уборка была проведена тщательно и быстро. Беба положила на стол сто шекелей и сказала: «Впервые я вижу человека, который может делать все не хуже, чем я. Спасибо, Элла». Вместо ответа Элла расплакалась. «Уберите, пожалуйста, деньги. В моей жизни в Одессе был период, когда весь дом был ими завален. Но мой муж так и не полюбил меня – он вообще на это не способен, мой сын не избавился от тяжелого психического заболевания, и мой позвоночник не стал здоровым. Ничего эти деньги не решают. Они не спасают от одиночества, безнадёги и тоски. И если мне удалось хоть чем-то вас порадовать, то поверьте, это для меня лучшая награда».

На следующий день Элла опоздала на полчаса. У Бебы начался сердечный приступ. Пуня забился под стол и жалобно скулил. Когда Элла открыла дверь своим ключом, она увидела синее лицо и страдальчески выпученные глаза. Немедленно дав страдальце лекарство, Элла ринулась к телефону вызывать скорую, но Беба властным движением руки остановила ее. «Что случилось? Почему ты опоздала? Я была уверена, что никогда тебя больше не увижу! Какая тоска...» Элла объяснила, что водитель автобуса, на котором она добиралась из соседнего городка, не затормозил на ее остановке, хотя она махала ему рукой и бежала за автобусом, зная, что он ходит раз в полчаса. Кровь прилила к лицу Бебы. «Ну, он у меня пожалеет, что родился на свет! Этот номер ему так

не пройдет». Через несколько дней Элле позвонили из автобусной компании и принесли глубочайшие извинения за инцидент. Затем посыльный принес подарок от автобусной компании – наручные часы и букет цветов.

В конторе об Элле начали слагать легенды – ее завалили работой. Волшебные супчики, блинчики, рагу и запеканки возвращали к жизни самых завязтых старых пессимистов. Фантастическая доброта, искренность и сопереживание, присущие ей, делали жизнь подопечных похожей на праздник. Она чувствовала себя по-настоящему нужной этим несчастным старикам. Но Беба мучилась ревностью и старалась перехватить инициативу благодарных клиентов. Она стала обучать метапелет ивриту и английскому языку. В день рождения Эллы Беба надела на ее палец кольцо с бриллиантом и велела никогда с ним не расставаться, как с талисманом.

«Сколько раз ты была в Париже?» – спросила она однажды. «Множество раз, но только в мечтах, как и во всех остальных прекрасных местах». «Мы с тобой будем путешествовать», – объявила Беба. Ей давно предлагали сделать операцию, вставить штырь в шейку бедра, чтобы она могла передвигаться с палкой. Теперь она решила пойти на это, чтобы иметь возможность показать Элле Европу. Перед операцией Беба передала метапелет на хранение резную деревянную шкатулку и сказала: «Этих бриллиантов нам хватит, чтобы объездить весь мир. И мы это непременно сделаем! Это мое одесское наследство, которое пережило эвакуацию и каким-то чудом сохранилось в стене нашей старой квартиры на Короленко». Пуня перешел к Элле домой безропотно.

Вечером позвонили из больницы и сказали, что сердце Бебы не выдержало наркоза и внезапно остановилось. На похоронах кроме непрерывно плачущей Эллы и ее мужа никого не было. Через несколько дней к Элле пришли за бриллиантами. Пуня лаял громко и непрерывно. Молодая женщина, рядом с которой переминался с ноги на ногу немного смущенный мужчина, назвалась племянницей Бебы, спросила о шкатулке и сразу уставилась на кольцо на пальце Эллы. Та, не говоря ни слова, сняла кольцо и протянула его племяннице. Затем вынесла шкатулку с Бебиным наследством и отдала. «Что там осталось?» – последовал ехидный

вопрос. «Я не открывала. Для меня это не имеет значения, я носила кольцо по ее просьбе, как талисман», – вспыхнув, сказала Элла. Племянница начала что-то понимать и объяснила, что Беба настолько была уверена в своей бессмертии, что даже не удосужилась оставить завещание. И теперь квартира и все, что есть в ней, отойдут к родственникам только через длительные судебные процедуры. Открыв шкатулку, она долго и внимательно изучала ее содержимое. Затем вздохнула и протянула Элле подаренное Бебой кольцо. «Возьмите на память о Бебе. Соседи говорят, что вы очень с ней спелись, а ведь она всех выгоняла – и родственников, и метапелет. Чем-то вы ее очаровали, не представляю». «Меня принял Пуня», – тихо ответила Элла и снова заплакала.

Она думала о том, что непременно выполнит завещание Бебы и объедет все те прекрасные места, о которых они столько мечтали. О том, что всегда будет больше всего любить стариков и собак, и что только они могут отвечать ей такой же искренней любовью. Душа тосковала по внезапно ушедшей красавице Бебе, такой уверенной в скором исполнении надежд. Как хорошо, что нам неведома истинная глубина наших заблуждений! Предвкушение желаемого – вот миг счастья. Все дальнейшее – путь разочарований. Но ведь надеждам и очарованиям несть числа! «Спасибо тебе, Беба, за искренность, любовь и науку воплощения изысканности, избранности и подлинности чувств. Мы еще обязательно встретимся, ведь любящие души расстаются лишь на время», – Элла была уверена в этом. И это давало силы жить и надеяться.

Бат-Ям

